

Ст. и Э. Данни игнорируют процесс сглаживания различий между городом и деревней, а между тем он начался с первых лет революции и особенно широко развернулся в наши дни. Сближение труда сельскохозяйственного с трудом индустриальным, кооперативно-колхозной собственности с государственной создает предпосылки для преодоления существенных различий в культуре и быте между городом и деревней, между сельским образом жизни и городским. Процесс механизации сельского хозяйства, совершенствование его экономического управления (что сближает его с промышленным производством, а труд крестьянина с трудом рабочего) протекает одновременно с повышением уровня образования сельского населения, с ростом его профессиональной подготовки, с развитием его культурных запросов и потребностей. Вместе с этим из города в деревню направляется мощный поток культуры, которая по самым различным каналам может дойти до каждого сельского жителя. Советское государство, общественность, сами колхозники прилагают огромные усилия для преобразования колхозной деревни. Конечно, процесс этот сложный, длительный, трудный, но на этом пути у советского общества имеется уже много достижений, и пройти мимо них — значит не понять сущности культурных изменений в жизни русского крестьянства.

Л. А. Анохина, В. Ю. Крупянская,  
М. Н. Шмелева

## ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. Е. Гусев. *Эстетика фольклора*. Л., 1967, 319 стр.

Вышел фундаментальный труд видного советского фольклориста В. Е. Гусева, подытоживающий и обобщающий многолетние усилия автора по созданию стройной теории народного поэтического творчества. Вместе с тем следует отметить, что это — новый тип теоретического исследования в области фольклора. Новизна его заключается в том, что здесь впервые теоретические вопросы решаются на столь широком материале. Автор свободно оперирует фактами, почерпнутыми из научной литературы буквально всех стран и континентов. Сопоставительный анализ этих фактов на основе марксистско-ленинской философии делает выводы В. Е. Гусева глубоко аргументированными и доказательными.

Новаторская сущность рецензируемой книги проявляется и в удивительно разностороннем и полном охвате рассматриваемых проблем. Опираясь на все достижения современной советской фольклористики, автор стремится исследовать именно те вопросы, которые вызывали наиболее ожесточенные споры в современной науке и которые по природе своей являются весьма сложными, противоречивыми, исторически подвижными.

Главная цель, которую ставит перед собой автор, заключается в том, чтобы показать своеобразие народного искусства в комплексе его «словесно-музыкально-хореографических и драматургических» форм выражения. Таким образом, В. Е. Гусев впервые в нашей науке вышел за пределы «плоскостного» рассмотрения фольклора. Хотя синкретизм фольклора признавался в трудах многих ученых, все же вопросы теории решались всегда на материале устного словесного творчества. Когда же к фольклору обращались музыковеды, хореографы, каждый из специалистов интересовался только либо музыкальной, либо танцевальной стороной дела.

Стремление исследовать объект во всей его сложности сказывается на структуре всей книги. Изучая материал, автор постоянно имеет в виду: 1) «социальную природу явления (творчество народных масс), 2) его «качественную специфику» (коллективное художественное творчество) и 3) его историческую перспективу.

Выясняя социальную природу фольклора, автор повторяет известное положение о том, что народное искусство возникает в процессе трудовой деятельности человека и что во все времена творцами сказаний, песен, преданий, пословиц и прочих жанров фольклора были «производители материальных ценностей» (стр. 16). Но Гусев учитывает при этом, что «социальная структура народа на разных этапах истории человеческого общества» не остается неизменной. Исторические сдвиги, происходящие в социальном составе народа, обуславливают появление в фольклоре разнородных идейно-художественных элементов. Он пишет: «Культура и искусство народа в классовом обществе, «народное творчество» является классовым по своей природе не только в том смысле, что оно противостоит идеологии господствующего класса в целом, но и в том, что само оно является сложным, а подчас и противоречивым по своему классовому, идеологическому содержанию» (стр. 20).

Очень запутанным в нашей науке был вопрос о соотношении «народного» и «национального» в фольклоре. Даже в последнее время находились ученые, которые под народным творчеством разумели «все художественные ценности, созданные

нацией»<sup>1</sup>. В. Е. Гусев проводит очень резкую грань между обоими понятиями. Он указывает, что «фольклор как народное творчество — это абстрактное понятие, приобретающее реальный смысл лишь тогда, когда оно наполняется конкретно-историческим социальным содержанием, когда оно воспринимается как творчество тех классов и групп, которые составляли народ на разных этапах его развития. Этим вовсе не отрицается существование фольклора как общенародного творчества, а лишь утверждается мысль, что общенародным оно становится в результате взаимодействия творческих традиций, сложившихся в разных социальных слоях» (стр. 21). Именно в связи с этим ставится вопрос о народности. Углубляя и по-новому освещая известный тезис о том, что не все народно, что бытует в народе, В. Е. Гусев считает «высшей мерой народности фольклора» его революционность. Отметив идейность и демократизм системы образов как важные показатели народности фольклорного произведения, исследователю особое внимание уделяет национальным художественным традициям, складывающимся в результате длительного исторического процесса (стр. 53). Интересной и плодотворной представляется мысль Гусева о постепенном формировании в фольклоре каждого народа элементов интернациональной культуры, что обусловлено прежде всего «сближением и сотрудничеством разных народов в борьбе за общие социальные идеалы, за мир и социализм» (стр. 56).

Вскрыв социальные корни фольклора, Гусев далее исследует его как самостоятельный вид народной культуры и показывает несостоятельность теорий, которые видели специфику фольклора в «бесыскучивости», в «примитивности», в одной лишь «традиционности», либо слишком расширительно понимали фольклор, как соединение всех народных традиций, включая сюда и материальную культуру, либо непонемно сужали его, говоря о нем лишь как о народном искусстве слова. По мнению автора, «фольклор должен рассматриваться как комплекс сложных полиэлементных видов синкретического искусства, пользующихся художественно-образными средствами, рассчитанными на непосредственно слуховое, сочетающееся со зрительным восприятие в момент исполнения» (стр. 93). Это определение, как нам кажется, страдает известной односторонностью и не указывает на качественную сторону художественно-образной природы фольклора. Правда, этот недостаток восполняется рассуждениями автора, сопровождающими данное определение. Так, он, в частности, отмечает функциональное своеобразие фольклора, который является «одновременно искусством и неискусством», в котором «познавательная, эстетическая и бытовая функции составляют одно неразрывное целое» (стр. 79).

Следуя раз избранному принципу рассматривать изучаемые вопросы в их диалектической сложности, В. Е. Гусев показывает как специфические стороны отдельных видов и жанров народного творчества, так и то общее, что характеризует их как произведения именно народного творчества (стр. 89).

Исходя из марксистского положения о том, что у каждого вида искусства имеется свой предмет познания, автор показывает исторически непреходящее значение фольклора, видя его в следующем: «Поскольку фольклор есть искусство коллективное, то предметом художественного познания становится то, что затрагивает интересы коллектива» (стр. 94). Немаловажным фактором, поддерживающим существование фольклора, Гусев считает и «особенность психологии коллективного творчества» — присущую народным массам потребность в непосредственном выражении коллективных эмоций, потребность в непосредственном общении в процессе творчества, что и делает «исполнение фольклорного произведения творческим актом, в котором принимают участие исполнители и слушатели».

Из выводов В. Е. Гусева о специфике фольклора вытекает прежде всего необходимость организации комплексного изучения фольклора литературоведами, музыкантами, искусствоведами, что потребует пересмотра существующих принципов изучения произведений народного творчества и методики их полевого исследования.

Важное практическое значение будет иметь глава «Классификация произведений фольклора», занимающая в книге чуть ли не главное место. Известно, какая путаница царит в нашей науке по вопросам родовой, видовой и жанровой классификации фольклора, что объясняется отсутствием единого, научно обоснованного принципа классификации. В. Е. Гусев, на наш взгляд, находит единственно верный принцип. Он пишет: «Поскольку категория жанра — эстетическая, а не этнографическая и не социологическая, то и собственно жанровая классификация может быть только эстетической классификацией, способствующей познанию эстетической природы данного рода фольклора, т. е. в данном случае — познанию характера и средств типизации эстетического отношения народных масс к действительности» (стр. 150). Предложенная им на этой основе классификация отличается стройностью, отвечает особенностям фольклора как синкретического вида искусства. Правда, некоторые пункты схемы вызывают возражение, но бывает это обычно тогда, когда автор «нарушает» установленный им самим принцип. Например, сущность предания как жанра заключается, по мнению автора, в том, что оно говорит о «более или менее отдаленных событиях». Следовательно, предание всегда связано с историей, и, видимо, поэтому, В. Е. Гусев употребляет в качестве синонима еще один термин — «историческое сказание» (стр. 122).

<sup>1</sup> Л. И. Емельянов, Понятие «фольклор» в советской фольклористике, «Русский фольклор», VI, М., 1961, стр. 26.

Уместно ли тогда среди разновидностей преданий (исторических сказаний) — таких, как экономические, топонимические и прочие — выделять еще и исторические? А именно так делает автор (стр. 162).

Конструктивное значение имеет и глава «Художественный метод фольклора». До недавнего времени фольклористы «боялись» и обходили стороной эту сложную проблему. Правда, сейчас уже есть ряд работ, посвященных художественному методу фольклора. Из них самые крупные и вместе с тем самые спорные — книги Н. Ф. Бабушкина и К. С. Давлетова.

Н. Ф. Бабушкин полностью отождествляет художественный метод народного поэтического творчества с романтизмом в его литературном выражении, причем жарождение реалистических принципов изображения действительности он видит еще в первобытном искусстве, о чем, по его словам, «вполне доказательно, с большим фактическим материалом в руках писали историки, этнографы, искусствоведы»<sup>2</sup>. К. С. Давлетов говорит об отличии эстетики фольклора от эстетики литературы, но когда переходит к характеристике творческого метода фольклора, как бы забывает об этом. Он, хотя и оговаривается, что этот метод отличается от «настоящего» реализма XIX в., все же считает типизирование действительности в народном творчестве всех времен реалистическим<sup>3</sup>.

В. Е. Гусев избегает прямолинейности выводов своих предшественников. Он говорит о сменяющихся «типах художественного мышления народа», что обусловлено всем ходом исторического развития общества. Автор находит в фольклоре несколько «типов» творческого метода, которые отражают различные этапы в развитии художественного мышления народа. Вместе с тем он говорит о качественно отличающихся, по сравнению с другими видами искусства, принципах изображения действительности в фольклоре (стр. 219, 221).

Не во всем разделяя теорию В. Е. Гусева, мы вместе с тем считаем весьма плодотворными основные ее положения, а именно: идею о сменяющихся «типах художественного мышления»; понимание художественного метода как определенного «способа художественно-образного мышления»; тезис о своеобразном проявлении художественного метода в каждом виде искусства и, в частности, в фольклоре; последовательно проводимую мысль о принципиальном отличии художественного метода русского фольклора феодальной эпохи от реалистического метода, а также о постепенном накоплении в недрах «старого типа художественного мышления» элементов нового качества, что отражает разнообразные исторические сдвиги в самой жизни.

Говоря о художественном обобщении действительности, В. Е. Гусев считает исторически равноправными формами обобщения как типизацию, так и идеализацию. В то же время автор акцентирует внимание на том, что идеализация как форма художественного обобщения — специфичная и сильная черта творческого метода фольклора, и он, конечно, прав.

Несмотря на ряд спорных положений, книга В. Е. Гусева выгодно отличается от предшествующих работ доказательностью, последовательностью, разработанностью проблем до конца, практической приложимостью. В ней есть и дискуссионные положения, что, собственно, является не недостатком, а достоинством ее. Сам автор предупреждает, что «предлагаемая вниманию читателя книга — лишь один из возможных опытов теоретического изучения фольклора» (стр. 8).

Книга В. Е. Гусева подводит итоги многолетних изысканий в области теории фольклора не только одного ее автора, но и всей советской фольклористики, и, как всякий подытоживающий труд, намечает проблемы и пути развития науки на будущее.

<sup>2</sup> Н. Ф. Бабушкин, О марксистско-ленинских основах теории народно-исторического творчества, Томск, 1963, стр. 140.

<sup>3</sup> К. С. Давлетов, Фольклор как вид искусства, М., 1966, стр. 17.

А. И. Лазарев

## НАРОДЫ СССР

Е. П. Бусыгин. *Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры XIX — начала XX в.* Казань, 1966, 400 стр. с илл.

Рецензируемая книга — первая обобщающая этнографическая работа о русском населении Среднего Поволжья. Основой для нее послужили многолетние исследования автора, проводившиеся в экспедициях и архивах с 1947 по 1961 г. Работа Е. П. Бусыгина является значительным вкладом в советскую этнографию. Она имеет большое значение для разработки проблемы истории формирования культуры и быта русского народа.

На основании ценного и тщательно подобранного полевого материала, а также архивных, статистических и литературных источников автор прослеживает формирование русского населения Среднего Поволжья; scrupulously описываются различные элементы быта, исследуется происхождение и развитие материальной культуры рус-